

Этюд 1. Экономический рост и его стимулирование¹

Суть проблемы

Ключевой особенностью последних двух лет является весьма существенное замедление экономического роста.

И дело не только в том, что темпы экономического роста, в условиях объективного втягивания страны в затяжное геополитическое противостояние в Евразии, снизились до крайне незначительных, около 1-1.5%, которых недостаточно для решения основных задач в сфере социальной стабильности, модернизации экономики и общества, обеспечения надежной национальной безопасности² (согласно оценкам, необходимый темп должен быть порядка 3.0-3.3% в год). При этом, с точностью до посткризисных «отскоков» после пика пандемии ковид (2021 г.) и адаптации к системным антироссийским санкциям (2023 г.), динамика экономического роста уже длительное время практически не приближается к уровню в 3% (Рисунок 1).

¹ В данной работе используются результаты проекта HSE-BR-2025-63, выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025-2027 гг.

² Ликвидация массовой «предбедности» (ситуации, когда у людей, даже и работающих, согласно опросам, «денег хватает только на еду» или «денег хватает только на еду и предметы гардероба»); строительство и модернизация инфраструктуры; восстановление освобожденных территорий; запуск нового инвестиционного цикла с постепенным выходом нормы накопления на 26-27% ВВП; нормализация финансирования научно-технологического развития, надёжного обеспечения национальной безопасности

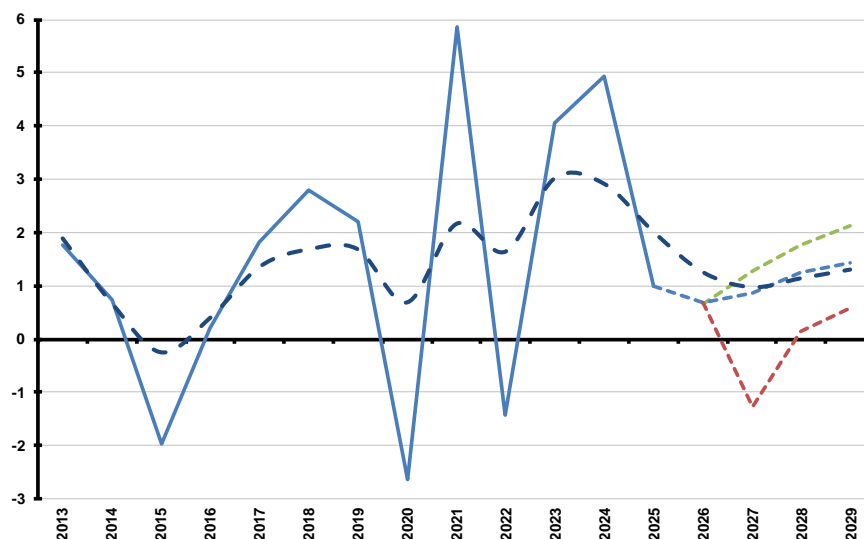

Рисунок 1. Динамика экономического роста (темпы прироста ВВП за год, с 2026 г. – по вариантам сценариев, от максимального до минимального)

Проблема, скорее, в том, что в рамках сложившихся структуры российской экономики её рост в принципе с трудом может быть (с точностью до «маятникового» посткризисного оживления) выведен на темпы более 2.0-2.3%. То есть необходимые как минимум, 0.7-1.0 проц. пунктов надо «добрать» за счёт структурных изменений, что требует соответствующей - активной и многоаспектной, многофокусной экономической политики.

Сама проблема «нового застоя» имеет несколько взаимно пересекающихся содержательных аспектов, разных с точки зрения сроков реализации – а значит, принципиальных подходов.

- краткосрочного, в пределах горизонта формулирования макроэкономической политики (год-два), где ключевыми, с точки зрения баланса «рост/инфляция», являются соотношение импульсов спроса и ограничений разного характера;

- среднесрочного, порядка горизонта корпоративного и бизнес-планирования (три-семь лет), где ключевым фактором являются ограничения

экономического роста, связанные с отраслевой структурой российской экономики³;

- долгосрочные, где ключевая проблема – это исчерпание прежних драйверов роста из-за сокращения природной ренты, завершения прироста трудовых ресурсов из-за действия демографических факторов, проблем с формированием капитала в условиях усиления глобальной конкуренции.

Краткосрочный аспект

«Прямо сейчас», на временном горизонте первого полугодия происходит балансирование экономического роста (около 1% в год) и инфляции (5-6%) – причем, на грани срыва в стагфляцию.

Собственно, в I квартале 2026 г. экономика формально уже вошла в зону стагфляции – сочетание экономического спада и инфляции. По всей видимости, она из этой зоны выйдет довольно быстро, но сейчас ситуация достаточно сложная (Рисунок 2). На фоне падения инвестиций⁴, неустойчивой динамики экспорта в условиях санкций и возвращения импорта на потребительский рынок, основным драйвером экономического роста (пока) остается потребительский спрос, расширяющийся вслед за ростом заработной платы («подтягивающейся» к динамике оплаты труда в ОПК, ИКТ, выплатам на СВО, ...).

Проблема только в том, что сами возможности этого повышения уже ограничены, а эффект от него (в силу экспансии импорта) – все ниже. Так что ключевой вопрос – это уже вопрос о перезапуске инвестиционного цикла.

³ Включая, например, проблемы соотношения активно инвестируемых секторов (энерго-сырьевой, ОПК) с ограниченными возможностями расширения производства – и отраслей с потенциалом роста, но ограниченных в возможностях инвестиций.

⁴ В очень высокой степени – из-за сверхжесткой денежно кредитной политики, стимулирующей «держать деньги» в низкорисковых, но высокодоходных финансовых активах, а не инвестировать в менее доходные, но значительно более рискованные реальные активы. Одновременно, укрепление рубля (при довольно значительной инфляции) дополнительно «обрушило» собственные финансовые ресурсы экспортёров (впрочем, повышение цен на нефть и, вероятно, удобрения и зерно может отчасти скомпенсировать ситуацию).

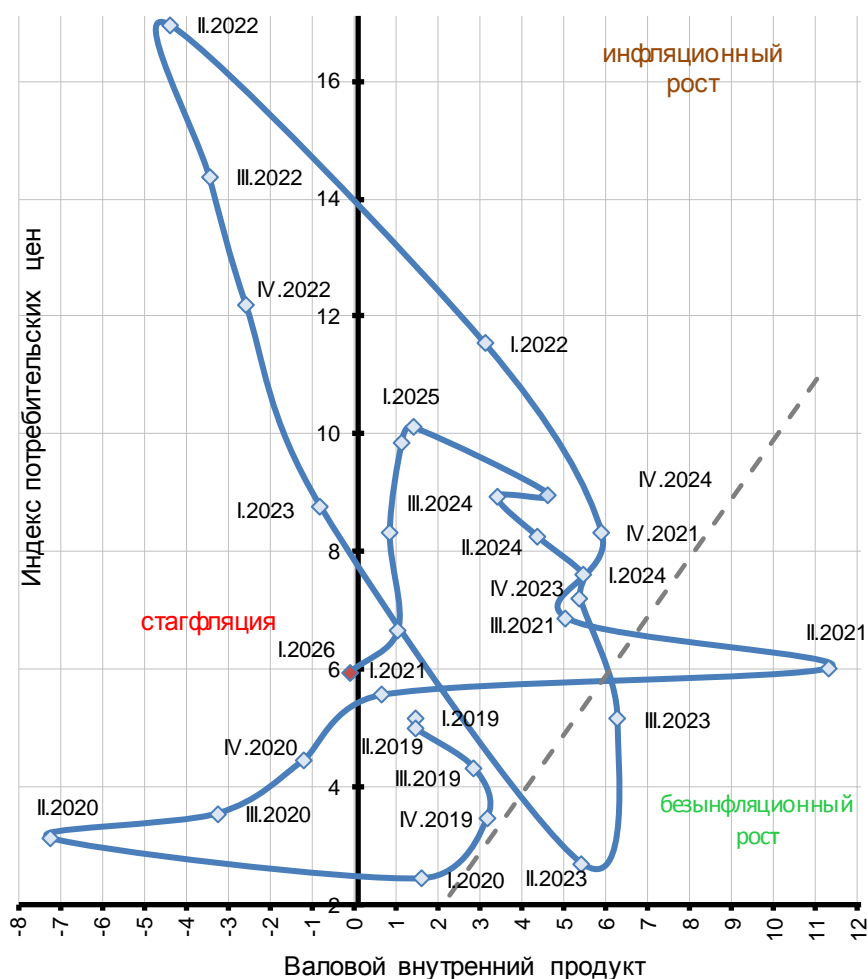

Рисунок 2. Динамика инфляции и экономического роста, квартал к соотв. кварталу предшествующего года (темпы прироста, %)

Отметим, что речь не идёт о «циклическом остужении» ранее возникшего перегрева экономики: даже в целом по экономике уровень загрузки производственных мощностей⁵ снизился до 77% (сезонность устранена, Рисунок 3). В обрабатывающей промышленности загрузка упала до 69% – так что можно говорить о недозагрузке производственного аппарата («в среднем по сектору, с учётом автопрома, конечно»).

⁵ По данным опросов бизнеса Банком России (а не статистике Росстата), то есть в ситуации, когда 100% – нормальная с точки зрения руководителей предприятий загрузка с учётом резервного фонда, ремонтного и т.д.

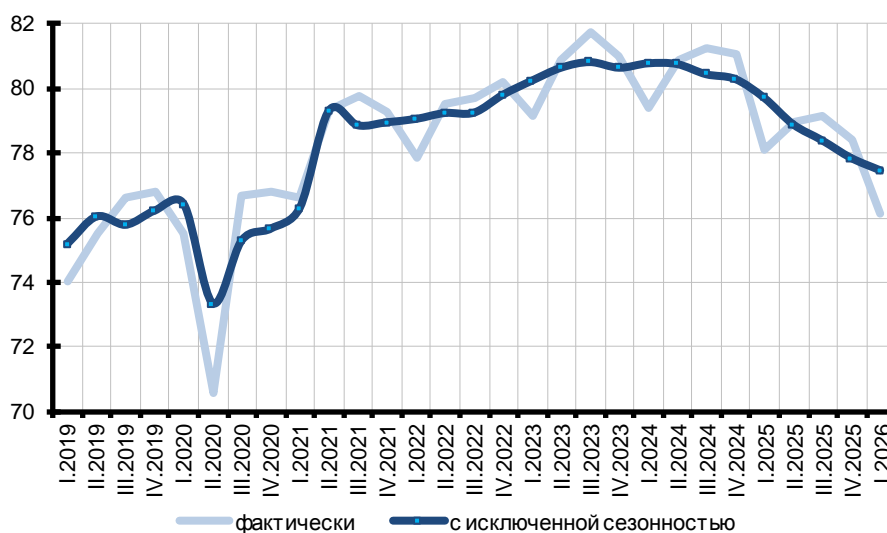

Рисунок 3. Загрузка производственных мощностей по результатам опросов Банка России (по экономике в целом, %)

При этом, даже в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, нет оснований полагать, что темпы экономического роста в краткосрочной перспективе повысятся до хотя бы «близких к нормативным».

В базовом сценарии из-за «дорогого рубля» и высоких процентных ставок эффект от внешнеэкономической конъюнктуры транслируется в рост через расширение экспорта и, с учётом очевидных ограничений – в рост «по потребительскому контуру» (заработная плата, доходы и, в итоге – потребление населения, +1.5-+1.9%). В то же время, не возникает оснований для активизации инвестиционной деятельности (ожидается спад инвестиций, -2.5 - -2.0%), а потребление население во все большей степени «закрывается» быстро растущим импортом. Соответственно, и ожидаемый итог экономического развития: +0.5-0.8% прироста ВВП в 2026 г. на фоне инфляции 4.5-5%.

Налицо классическая «голландская болезнь», усугубляемая блокированием инструментов перераспределения доходов между рентными отраслями и производством инвестиционных и потребительских товаров – как через кредитно-финансовый канал (высокие ставки, высокие риски из-за неопределенности ситуации), так и через бюджетный.

Таблица 1. Основные параметры среднесрочного макроэкономического прогноза (по вариантам сценариев, темпы прироста, %)

	2026	2027	2028	2029
Валовой внутренний продукт				
базовый (ЦМАКП)	0.5 - 0.8	0.8 - 1.0	1.0 - 1.5	1.4 - 1.8
оптимистический (ЦМАКП)	0.6 - 1.0	1.2 - 1.5	1.7 - 2.1	2.0 - 2.5
базовый (МЭР)	0.4	1.4	1.9	2.4
Инвестиции в основной капитал				
базовый (ЦМАКП)	-2.6 - -2.2	1.5 - 1.9	1.7 - 2.0	1.9 - 2.3
оптимистический (ЦМАКП)	-2.4 - -2.0	2.0 - 2.3	2.6 - 3.0	3.5 - 4.0
базовый (МЭР)	-1.5	2.0	2.5	3.0
Потребление населения*				
базовый (ЦМАКП)	1.7 - 2.0	2.3 - 2.5	2.0 - 2.4	2.3 - 2.7
оптимистический (ЦМАКП)	1.7 - 2.0	2.0 - 2.3	2.5 - 2.8	2.8 - 3.2
базовый (МЭР)	1.0	2.2	2.7	3.0
Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю)				
базовый (ЦМАКП)	4.6 - 5.0	3.75 - 4.05	3.85 - 4.2	3.55 - 4.0
оптимистический (ЦМАКП)	4.45 - 4.8	3.9 - 4.2	3.7 - 4.0	3.5 - 4.0
базовый (МЭР)	5.2	4.0	4.0	4.0
Уровень безработицы (% рабочей силы)				
базовый (ЦМАКП)	2.2 - 2.5	2.5 - 2.8	2.6 - 3.0	2.7 - 3.1
базовый (МЭР)	2.4	2.3	2.3	2.3
<i>Справочно: цена на нефть марки Urals, долл. за баррель</i>				
базовый (ЦМАКП)	80 - 82	60 - 63	57 - 60	55 - 58
оптимистический (ЦМАКП)	80 - 83	72 - 75	65 - 70	65 - 68
базовый (МЭР)	59	50	50	50

* сумма оборота розничной торговли и платных услуг населению

Среднесрочный аспект

На среднесрочном горизонте проблема состоит, скорее, в структурных ограничениях роста.

Так, в силу структурных особенностей российской экономики за последние десять лет отраслевой состав инвестиций стабильно существенно отличается как от структуры высокопроизводительных рабочих мест, так и от секторов с высоким потенциалом роста в перспективе.

Так, за последние семь лет (2018-2024 гг.) в квадранте «интенсивная инвестиционная деятельность / быстрый рост производительности» (и то, и другое выше, чем по экономике в целом) находится группа интенсивно модернизовавшихся в последние годы отраслей – «около-оборонных», ИКТ, фармацевтики (Рисунок 4).

В то же время, основная масса потребительских товаров (производство пищевых продуктов, кожи и изделий из кожи, мебели, пищевых продуктов, напитков, сельское хозяйство) и инвестиционных товаров находится в зоне низкого прироста инвестиций⁶ (иногда, в случае потребительских товаров – умеренного прироста производительности, иногда – нет).

В особенно сложном положении оказалась автомобильная промышленность: здесь довольно низкая инвестиционная активность сочетается со столь же низким приростом производительности труда.

⁶ Отметим, что в данном случае не работает подход «завершения инвестиционного цикла», характерного для топливно-энергетических отраслей и транспорта, где ввод даже одного, крупного и долго создаваемого, объекта с длительным циклом создания может привести к длительной паузе в активном инвестировании

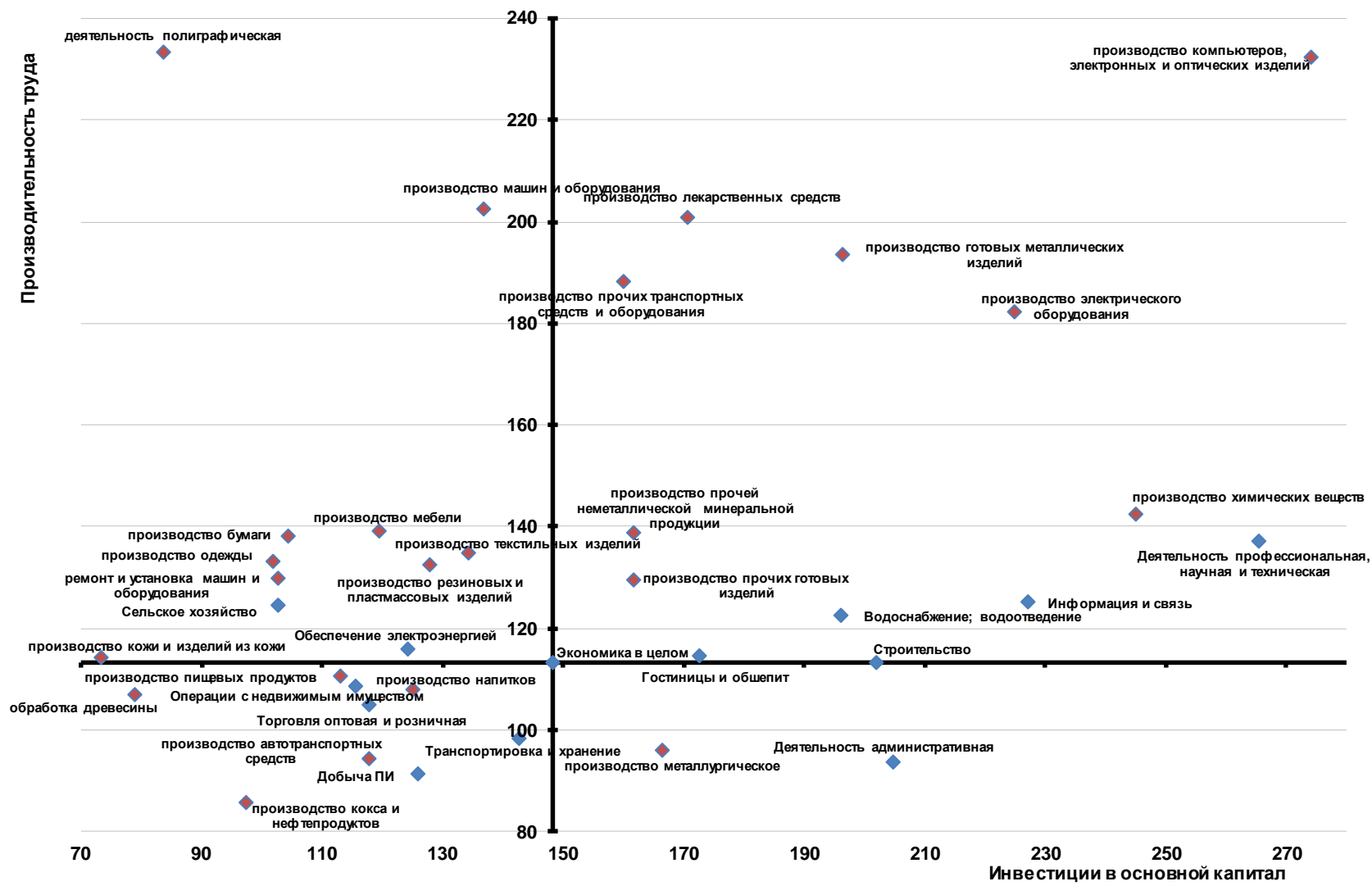

Рисунок 4. Индексы производительности труда и инвестиций в основной капитал за 2018-2024 гг. (2017 г. = 100), %

Таким образом, сформировался довольно значительный кластер отраслей, с отставанием по производительности труда, а значит, и по конкурентоспособности по отношению к продукции стран с более высоким уровнем производительности, и по возможности интенсивного экономического роста в условиях ограниченности ресурсов.

В итоге, в потребительских отраслях (отметим – недоинвестированных за последние годы) уровень производительности труда составляет около половины даже от уровня стран Восточной Европы (пищевая промышленность: 63%, лёгкая промышленность: 45%, Таблица 2).

Ещё большую проблему способно создать отставание в производительности труда в инвестиционных отраслях (строительство: 42% от стран Восточной Европы, автомобилестроение: 35%, прочее машиностроение: 54%).

Это, в отсутствии системной модернизации инвестиционных отраслей, создаёт риск потери конкурентоспособности российской инвестиционной продукцией, что, собственно, и наблюдалось накануне введения системных экономических санкций против страны, или возникновения значительного по масштабам сектора замедленного роста.

Отметим, что ситуация затяжной низкой производительности труда означает формирование значительного по масштабам сектора низкоэффективной занятости, запертой в соответствующих секторах и территориях из-за низкой профессиональной (отсутствия соответствующих по мощности механизмов профессиональной подготовки и переподготовки кадров) и территориальной мобильности. Последняя упирается в проблему высоких (и растущих при притоке населения) цен на жилье, отсутствия достаточно масштабных механизмов «рабочей аренды», социокультурных факторов.

Таблица 2. Производительность труда в России (% от уровня других стран в 2023 г.)⁷

	Страны Восточной Европы	Страны Западной Европы	Страны Южной Европы	США
Сельское и лесное хозяйство	101	46	88	19
Добыча полезных ископаемых	301	108	196	60
Пищевая промышленность	63	35	46	21
Лёгкая промышленность	45	14	23	13
Деревообработка	30	13	19	9
Бумажная продукция и полиграфия	99	57	66	41
Нефтепереработка; химическая промышленность	125	49	63	30
Производство резиновых и пластмассовых изделий; фармацевтика	117	43	60	18
Производство стройматериалов	94	47	66	33
Металлургия	214	76	84	48
Готовые металлоизделия	101	51	76	40
Машиностроение (кроме автопрома)	54	17	28	10
Автомобилестроение	35	17	35	14
Строительство	42	31	34	33
Торговля	48	43	39	47
Транспортировка и хранение	73	60	57	29
Сектор ИКТ	147	78	155	34
Коммерческие услуги	113	119	165	88

Соответственно, в данном случае – как и в довольно большом числе других – ключом к структурной модернизации российской промышленности является, в очень значительной степени, не столько управление объёмами ресурсов, сколько их структурой. Не только и не столько обеспечение непосредственно «валовых объёмов» инвестиций в основной капитал (при всей значимости активизации инвестиционного процесса, конечно), но и обеспечение условий для перетока в модернизируемые сектора ресурсов из рентных (для финансовых) или не имеющих значимых перспектив роста, для трудовых.

⁷ По данным аналитической записки В.А. Сальникова «О производительности труда в отраслях экономики России по сравнению с другими странами» <http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Analytics/PROM/2025/otr1.pdf>

Отметим, что наличие значительного запаса неэффективно используемого ресурса занятых опровергает аргументацию, на которую опирается подход «нет разрыва выпуска»: в России из-за этого эффекта «запертости»⁸ сейчас нет и никогда прежде не было равновесия на рынке труда. Наоборот, само его существование означает наличие значительной по масштабам «резервной армии малоэффективного труда», использование которого может дать временный (на 5-7 лет) бонус для ускоренного развития российской экономики.

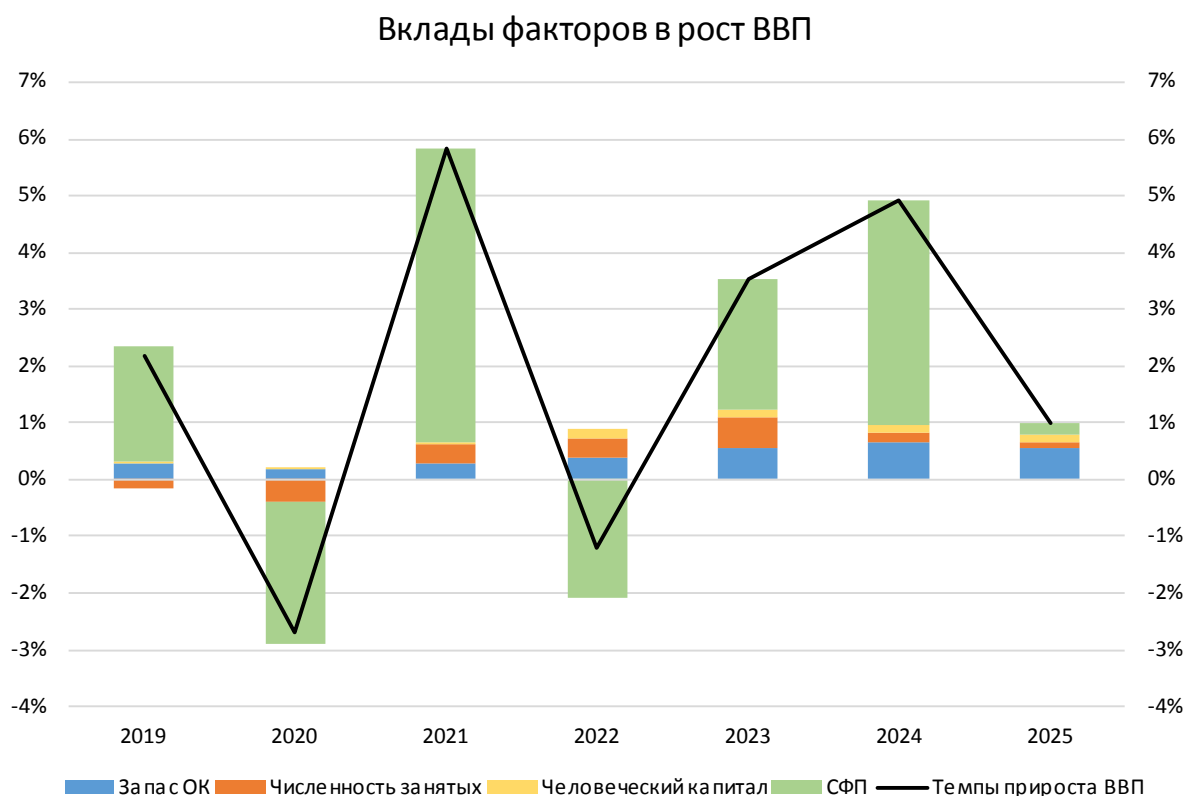
Долгосрочный аспект

В долгосрочном аспекте речь идет о «маневре» между факторами производства.

Суть дела в том, что уже в настоящее время экономическая динамика формируется в основном совокупной факторной производительностью (СФП), которая, в свою очередь, содержательно зависит от сочетания технологических и институциональных факторов, определяющих эффективность использования главных производственных ресурсов – труда и капитала (Рисунок 5).

При этом, «работает» косвенный эффект: масштабы возможного влияния СФП на рост зависят, в значительной мере, от новых инвестиций: «инвестиции есть переносчик (технологических) инноваций».

⁸ Отметим, что именно регионы и сектора с относительно низкой оплатой труда стали важным источником кадров для СВО – так что сам по себе запас малопродуктивных и малооплачиваемых рабочих мест мало-помалу «рассасывается» (едва ли такие места будут хоть сколько-нибудь привлекательными для возвращающихся ветеранов).

**Рисунок 5. Вклады основных факторов в прирост ВВП
(темпы прироста, %)**

В перспективе, с учётом усиления демографических ограничений (есть риск, что численность занятых начнет даже снижаться), совокупная факторная производительность становится ключевым фактором роста – даже более важным, чем прирост основного капитала⁹ (Рисунок 6).

⁹ Это некоторым образом перекликается с ранее сделанными оценками макроэкономического эффекта от цифровизации российской экономики: прямые (прирост ВВП от расширения добавленной стоимости в ИКТ) и косвенные (дополнительные эффекты для добавленной стоимости отраслей-потребителей) в их рамках соотносились как 1:3 – 1:4.

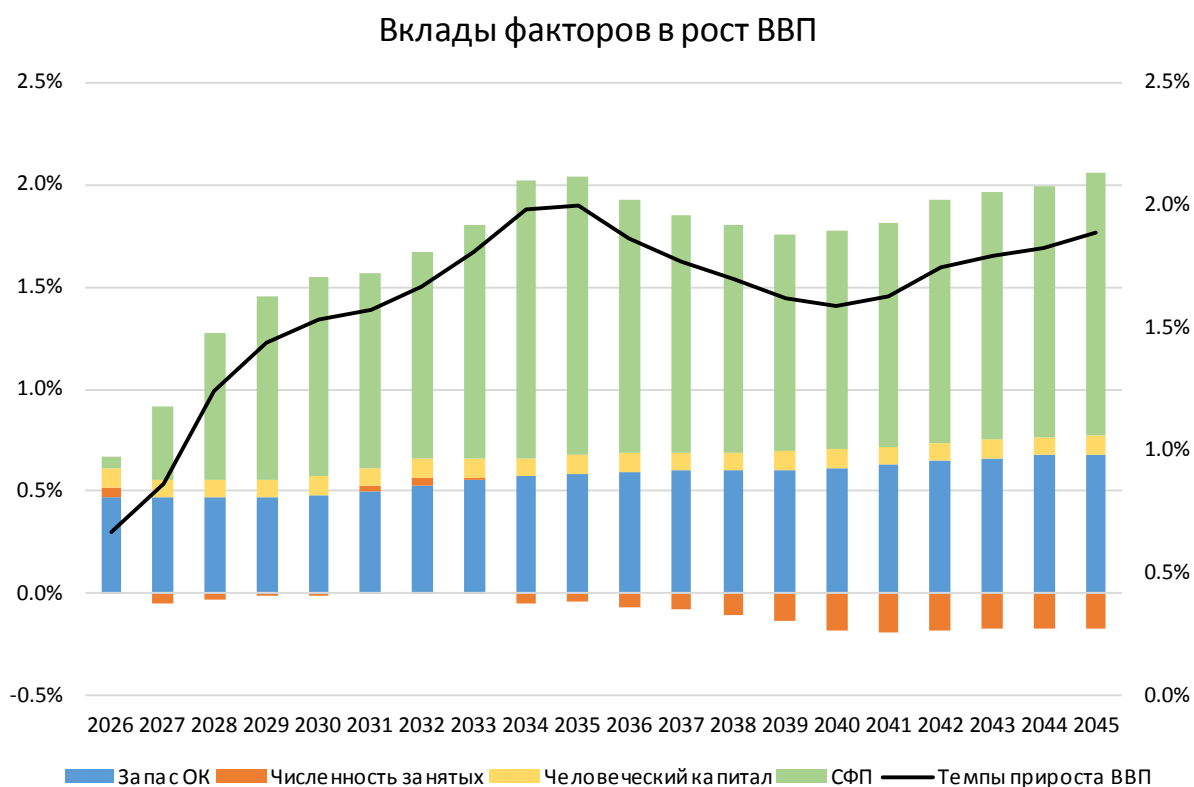

Рисунок 6. Вклады основных факторов в прирост ВВП в долгосрочной перспективе (базовый сценарий, темпы прироста, %)

Что делать

Из подобного сочетания кратко-, средне- и долгосрочной проблематики вытекает необходимость столь же сложно выстроенной системы поддержки экономического роста и модернизации.

На краткосрочном периоде речь идет о стимулировании производства и инвестиций в основной капитал.

Разработать проект типового Соглашения о защите и поощрении капитальных вложений на уровне субъектов Российской Федерации, включив в него обязательства по неухудшению для инвесторов условий ведения бизнеса, включая региональные налоги и сборы, неналоговые условия, прежде всего – арендную плату в части площадей, предоставляемых субъектами Российской Федерации.

Рассмотреть вопрос о расширении практики применения государственных гарантий при заключении долгосрочных госконтрактов и (или) Соглашений о защите и поощрении капиталовложений, в том числе в

сфере выпуска сельскохозяйственной техники, переработки, транспортировки и хранения продовольствия.

Формирование перечня приоритетного (поддерживаемого государством) импорта, включая промышленное оборудование, не имеющее российских аналогов, отдельные виды комплектующих и сырья.

Приоритетная реализация (недопущение секвестра) нацпроектов по производительности труда, по роботизации производства, роботизации и «экономики данных» как условия снятия ограничений по производственному и кадровому потенциалу экономики.

По мере завершения СВО, провести снижение налогов на бизнес (в первую очередь, НДС) на примерно 2% ВВП. Обеспечить максимальную «канализацию» высвобождаемых ресурсов в модернизацию производственного аппарата через предоставление инвестиционных налоговых кредитов, заключение Соглашений о защите и поощрении капитальных вложений, в том числе, на региональном и муниципальном (с ориентацией на малый бизнес) уровнях.

Недопущение масштабного спада в оборонно-промышленном комплексе. Заблаговременная подготовка рынка товаров двойного назначения (заказ на гражданские беспилотники для госорганизаций¹⁰, средства связи, транспортные средства и т.д.).

Выпуск облигаций, иных финансовых инструментов ориентированных на добровольное инвестирование накопленных ресурсов участников СВО и в целом населения.

Радикально упростить открытие и ведение бизнеса малыми технологическими компаниями, в т.ч. создаваемыми участниками СВО. Формирование – в Арктике, на Дальнем Востоке, на освобожденных регионах – территорий со статусом «Технологического полигона» с упрощенной системой регуляторики для испытаний / практической апробации новых образцов техники и

¹⁰ Здесь – преимущество прямого управления государственным спросом; параллельно необходимо, конечно, опережающе развивать частный бизнес в области сельскохозяйственных дронов и, шире, «умного земледелия», беспилотной транспортировки грузов, геологоразведки, геодезии и ДЗЗ и т.д.

технологий (дроны, средства управления с элементами искусственного интеллекта, малые частные ракеты и др.).

На среднесрочном периоде – создание инструментов для межотраслевого маневра инвестициями и занятыми в соответствии с перспективной отраслевой и территориальной структурой экономики.

Формирование интегрированной модели поддержки инвестиционной деятельности, включая как создание ресурсов для реализации инвестиционных проектов на образовательные и жилищные инициативы, в том числе под перетоки специалистов в зоны роста, так и поддержку спроса для региональных проектов (включая экспорт продукции на рынки дружественных и нейтральных стран). Упрощение создания межрегиональных технологических экосистем, объединяющих научно-технологические компетенции регионов и регионов - технологических доноров.

Запуск субсидируемых бюджетом программ ускоренной переподготовки и переобучения высвобождаемых работников из секторов с избыточной занятостью для секторов с усиливающимися кадровыми ограничениями.

Привлечение бизнеса к выработке приоритетов в рамках нацпроектов, федеральных госпрограмм и программ на уровне регионов – так чтобы расходы ним вели к максимальному кумулятивному эффекту¹¹. Формирование смешанных дирекций проектов с привлечением бизнеса к формированию приоритетов и отдельных мероприятий по инвестпроектам, предусматривающим софинансирование. Создание, на базе государственной системы средне- и долгосрочного прогнозирования, базы потенциально возможных проектов, с оценкой выгод и рисков от возможного инвестирования для частных компаний. Характеристика «красных зон» потенциального перепроизводства / «закрытости рынков» – и «зеленых зон» инвестирования для создания новых мощностей в сфере их нехватки.

¹¹ Аналог: формирование сервисных бизнесов вокруг федеральных трасс

На долгосрочном периоде ключевым фактором успеха должна стать технологическая модернизация производств. В рамках этой логики система приоритетных действий может выглядеть следующим образом:

- обеспечить приоритет развития сквозных технологий (искусственного интеллекта, новых материалов, сквозной цифровизации промышленности, сельского хозяйства и транспорта);

- выявление научно-технологических и общеэкономических приоритетов средствами форсайта (выявление приоритетов компаний в сфере технологий, необходимых эффектов и др.). Уход от «техносферы образцов»: интегрированная поддержка проектов развития в научно-технологической сфере, вплоть до выхода создаваемых продуктов на полномасштабную серийность / коммерческую окупаемость;

- отработка процедур акселерации и выращивания перспективных компаний / национальных чемпионов по принципу наращивания масштабов деятельности по мере усложнения решаемых задач;

- обеспечение, с опорой на институты развития, устойчивости взаимодействия частных технологических компаний с государственным военно-технологическими «грандами», включая помощь частным компаниям во взаимодействии с ключевым корпоративным партнером;

- поддержка масштабирования бизнеса и трансформации бизнес-связей, обеспечивающих устойчивость трансформации малых технологических компаний в средние, и, главное - средних компаний в крупные. Поддержка вывода высокотехнологичной продукции на доступные мировые рынки.

Материал подготовил:

руководитель направления Белоусов Д.Р.